

★ КРАЙ ГАЛАКТИКИ ★

АВАРИЙНЫЙ ГУБЕРНАТОР

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

ИРЭН РУДКЕВИЧ

Алексей Елисеев
Ирэн Рудкевич
Край Галактики.
Аварийный Губернатор
Серия «Край Галактики.
Аварийный Губернатор», книга 1

<https://litres.ru/74200612>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если вас назначат губернатором? Мечта же.

А что если назначат губернатором целой планеты? Ещё лучше!

А если это уничтоженная орбитальными бобардировками промышленная планета на окраине Империи, которую поделили между собой бандиты и продажные чиновники? Уже сомнительно, да?

До меня здесь были двенадцать губернаторов. И все двенадцать провалили дело и были казнены.

Теперь губернаторский мандат у меня, и отказаться от него я не могу. Империя требует почти невыполнимый план поставок. Не успею – стану тринадцатым.

С первого же дня всё идёт не так. Не успел я покинуть Гармонию – местную столицу, – как ко мне пришёл первый

проситель. Если я ему не помогу, то моя губернаторская власть так и останется строкой в архиве. А если соглашусь, то мне придётся пойти против установленных правил.

Но здесь губернатором становится не послушный болванчик на побегушках у бюрократов. Губернатором становится тот, чьи приказы выполняют, причём не за страх, а за совесть.

Осталось только этого добиться.

Содержание

Глава 1. Здесь трудно просто не сдохнуть	5
Глава 2. Прорвёмся... наверное...	19
Глава 3. Пуй	32

Ирэн Рудкевич, Алексей Елисеев Край Галактики. Аварийный Губернатор

Глава 1. Здесь трудно просто не сдохнуть

Криптопечать Имперской Колониальной Администрации выдали мне перед посадкой в челнок вместе с временным мандатом, допусками, формой и набором прав — по документам я на тот момент уже считался губернатором Пачук-9. На борту челнока лейтенант колониальной космической пехоты Этони Бакто сухо зачитал приказ о моём назначении, а архив показал список из моих предшественников, где в конце каждого личного дела стояла одна и та же короткая отметка.

Казнён.

Казнён.

Казнён.

И так двенадцать раз подряд. Ровно по числу моих предшественников. Словно в центральной канцелярии Импер-

ской Колониальной Администрации давно перестали считать губернаторов Пачук-9 и просто завели для них отдельную строку в расходных ведомостях.

К печати и временному мандату прилагалась ещё одна радость, о которой Этони Бакто, читая приказ, упомянул вскользь, как о сменной батарее к фонарю — управляющая нейросеть губернаторского профиля.

В базовой комплектации у каждого искусственника имелся нейрошунт — наши тела появлялись на этом свете сразу с ним. Эдакий адаптер-переходник между нервной системой живого существа из плоти и крови и техникой с нейролинком. Полезная штука, если надо подключиться к машине, пройти какое-нибудь обучение, отдавать команды технике или не выглядеть полным дикарём среди лубасири, которые ко всему этому привыкли с детства.

Однако губернаторская нейросеть была совсем другим делом.

Её мне установили уже после назначения. Насколько я понял, она была старая, если не сказать древняя, и выдали мне её по аварийному протоколу. По документам нейросеть должна была обеспечивать подпись приказов, доступ к закрытым каналам Колониальной Администрации, связь со служебными платформами, приём отчётов и работу с местными реестрами, ну и всё остальное что должна делать нейросеть.

Кибернетически имплантированная колония наномашин,

на секундочку, устанавливаемая непосредственно под черепную коробку. Что-то вроде миниатюрного, но мощного компьютера, соединённого с корой головного мозга. В цивилизованном космосе очень сложно получить образование или найти сколько-нибудь престижную работу, не обладая нейросетью. И получить пусть и устаревшую, но губернаторскую нейросеть для искусственника было настоящей удачей... если бы к этой удаче не прилагалась перспектива быть казненным через пару лет.

Операция выглядела как инъекция, с помощью которой вводились наномашинки. А те уже, в свою очередь, доставляли имеющиеся и выстраивали новые нейронные связи в мозге. После установки нейросеть заменяла и телефон, и компьютер, и электронный кошелек, и цифровую подпись, и диктофон, и телевизор, и модем, и даже музыкальный проигрыватель.

Ощущения после разгонки собственного мозга сложно описать. Больше всего это похоже на то, как кто-то подошёл и протёр десятилетиями копившуюся пыль с экрана цветного телевизора и включил громкость. Собственный разогнанный мозг позволял замечать массу мелочей, которые раньше прошли бы мимо внимания, скорость и ясность мысли заволаживали. Значительно улучшилась память.

Но про то, что меня казнят в случае провала, я бы помнил и без неё.

Одним словом, ничего сверхординарного для Империи

Лубасири. Просто внутренний терминал для чиновника, которому некогда таскать за собой десять планшетов и штат писарей.

В инструкции было сказано, что новые версии имплантов для взаимодействия с современной техникой с моей версией нейросети несовместимы. Но если принять как данность, что после ковровых орбитальных бомбардировок на поверхности Пачук-9 попросту не сохранилось ничего, что хотя бы отдалённо могло напоминать современные служебные, промышленные или добывающие платформы, то горевать особо было не о чем. Поэтому я не придавал этому факту особого значения.

В конце концов, в Империи Лубасири и до меня любили ставить подданным под череп сложные и не самые проверенные устройства, а потом делать вид, что это не повод нервничать.

Полных гражданских прав ко всем моим полномочиям мне, естественно, никто не подарил. Просто выдали аварийный служебный мандат, криптопечать, пароли, доступы, право подписывать приказы и право быть казнённым за срыв плана поставок ресурсов в метрополию — который, кстати, не раз был сорван ещё до меня и моих предшественников. В Империи Лубасири очень хорошо умели называть цепи полномочиями, а строгий ошейник на шее — административной мерой.

С моим новым именем и фамилией получилось примерно

так же коряво и скомкано. После пробуждения в новом теле искусственника, когда голова шла кругом, а чужие мышцы слушались так, будто их одолжили у давно окоченевшего покойника, регистрационный блок сразу потребовал у меня имя. Я не стал играть в белорусского партизана на допросе в гестапо и сказал, что родители назвали Ромой. Далее потребовалось моё родовое имя, что несколько обескуражило. Формулировка странная. Родовое имя... Сам собой вырвался вопрос:

— Родовое имя?.. Ты из леса вышел?

Куб оформления проглотил часть звуков, пережевал их, служебная программа сверилась с фонетическим шаблоном лубасири, усталый оператор АИКА, если он не переложил свои обязанности на искинта, не захотел вручную разбирать бормотание свежего искусственника и вывел в карточку новое имя — короткое, удобное и пригодное для имперского делопоризводства.

Так я стал Рэмом Лисовым. Что сказать? Приятно познаться...

Хотя бы звучало вполне по земному — остальные искусственники с потока были лишены и этого. Можно ли было исправить неточность? Конечно! Но исправление требовало отдельного прошения, солидной пошлины в имперских дукатах и трёх недель ожидания. Три недели у меня были, а вот имперских дукатов не водилось — в этой странной новой жизни меня успели лишить почти всего, кроме памяти, дур-

ного характера и привычки спорить с очевидной глупостью.

Слово «гоп» в Империи тоже имело немного иное значение, чем на Земле. Дома оно ассоциировалось с подъездом, спортивками, семечками и мелкой дворовой шпаной. А здесь просто означало разумное существо, поражённое в гражданских правах (или гоп в просторечии) — удобный материал для службы, колонизации и чужих аварийных протоколов. Из таких, как я, Империя делала полезные живые инструменты. Потом, правда, удивлялась, когда инструменты внезапно отказывали. Но это потом.

Но настоящим губернатором Пачук-9 я почувствовал себя только спустя пару недель, когда у моих сапог встал на колени худой лубасири из шахтёрской общины и, не поднимая лица, хрипло произнёс:

— На Пачук-9 трудно уже не жить, губернатор. Тут трудно просто не сдохнуть...

Я посмотрел на свои сапоги и понял, что не зря утром ругался на местную пыль.

Сапоги были новые, имперские, выданные после выпуска из АИКА (Академии Имперской Колониальной Администрации) вместе с формой ИКА (Имперской Колониальной Администрации), удостоверением, временным мандатом, палашом и прочей красивой дрянью, которая должна была визуально сделать из меня должностное лицо. На Земле я бы к таким сапогам сперва долго приценивался, потом бы матерился, а потом всё равно купил бы что-нибудь поде-

шевле — потому что нормальный человек в своём уме не отдаст несколько месячных зарплат за обувь, если только не собирается этой обувью кого-нибудь впечатлять.

Тёмные, тяжёлые, идеально подогнанные под новое тело, сапоги прекрасно впечатлили стоявшего на коленях лубасири, для которого цена такой пары исчислялась даже не кредитами, а пайками, сменами в шахте, мешками сырой руды и сорванной спиной.

Пыль забилась в швы, легла на носки, въелась в складки у подошвы — я заметил её только потому, что посланник смотрел именно туда. Поднять взгляд на моё лицо он откровенно не решался — вся власть Империи, Колониальной Администрации и лично моя дурацкая биография для него собрались в двух кусках дорогого армированного материала.

В голове неприятно шевельнулась старая земная память. Подъезд. Лестничная клетка. Разбитый бетон крыльца. Мужик в телогрейке сидит возле чужой машины и просит: «Брат, выручи до завтра». А ты уже понимаешь, что завтра у него давно закончилось.

Я дал ему тысячу, посчитав, что этого барского жеста будет достаточно. А через три дня его нашли в мусорном баке. С той самой тысячей рублей в кармане.

Здесь вместо подъезда была планета Пачук-9, вместо машины — губернаторская печать, а вместо «выручи» — коленнопреклонная поза представителя шахтёрской общины, заранее наученной платить сильным за то, чтобы её сегодня

не истребили.

— Встань, — приказал я.

Лубасири дёрнулся так, будто я не слово произнёс, а ударил его по пальцам каблуком.

— Но губернатор...

— Я сказал, встань. Не заставляй меня повторять свои приказы дважды.

Он поднялся не сразу. Сначала ладони отлипли от пола, оставив на сером покрытии два тёмных следа от пота и грязи, потом он упёрся этими же ладонями в колени и медленно, тяжело выпрямился так, словно это движение требовало от него особых усилий.

Ростом он был чуть выше меня, как почти все лубасири, только сейчас это ничего не значило. Узкие плечи, вытянутая шея, синеватая кожа с серым налётом рудной пыли, впалые щёки, чрезмерно длинные уши, характерные для сервоф, старая рабочая куртка с прожжённым рукавом — он стоял передо мной и всё равно держался так, будто пол под ним имел больше прав, чем он сам.

Годы в шахтах на Пачук-9 это тебе не сахарные петушки сосать, это любого научит покорности.

— Теперь говори нормально, — велел я. — Кто ты, откуда, кто вам угрожает и, самое главное, сколько времени у нас осталось.

Он сглотнул.

— Меня зовут Патэль, господин губернатор. Я из шах-

тёрской общины у старого южного отвала. Мы добываем руду вручную, в старых выработках. Там ещё до войны стояли промышленные добывающие линии. Механизмы давно мертвы, рельсы погнуты, подъёмники ходят через раз, зато руда осталась, и мы добываем её, сколько можем. А можем немного, потому что приходится работать вручную.

Он говорил всё быстрее, будто боялся, что я передумаю слушать. Я поднял ладонь, не давая ему окончательно сорваться в жалобный отчёт.

— Так... Не тараторь. Рассказывай по делу. Мне нужна не справка по Пачук-9. То, что у вас здесь всё плохо, я уже давно понял. Начни с общей картины. Что произошло?

— Тесак, — выдавил Патэль. — Вернее, его люди. Они пришли два дня назад. Сначала перебили нашу внешнюю смену, потом вошли в лагерь и потребовали двойную долю с каждой партии руды. Мы уже платили им за проход караванов, за воду на северной дороге и за то, чтобы они не трогали женщин у промывочных ям...

— И? — подбодрил я.

— Теперь им стало мало, ваше превосходительство. Они хотят больше.

Лейтенант колониальной космопехоты Этони Бакто молча стоял у стены справа от двери. Я уловил боковым зрением, как пальцы у него едва заметно сжались. Значит, происходящее, хоть и оставляло во мне изрядное ощущение сюрреализма, но не было ни байкой, ни попыткой выбить из нового

губернатора бесплатную пайку за слезливую историю. Это-ни знал, о чём речь. Или слышал о подобных ситуациях достаточно, чтобы отреагировать даже против воли. Интересно даже, эту мелочь я бы подметил раньше? В смысле до того, как мне поставили административную нейросеть. Думаю, что заметил бы точно, но вот сумел бы обработать между делом поступившую в мозг информацию — вопрос.

— Продолжай, — велел я.

— Старшие кланов... из них состоит Совет, управляющий нашей общиной, отказались, — он вскинул грязные руки в останавливающем жесте. — Нет-нет, не подумайте, никаких грубых отказов! Просто мы попытались торговаться. Сказали, что двойную долю мы не вытянем, потому что зимой люди начнут падать без сил прямо в штреках. Тогда бандиты Тесака приказали вывести всех на площадь перед дробилкой...

— Что было дальше? — уточнил я, уже понимая, что ничего хорошего.

— Двоих детей застрелили на глазах у матерей, ваше превосходительство.

Патэль произнёс это ровно. Слишком ровно. Только губы у него побелели, а пальцы вцепились в край старой куртки так, что ткань пошла складками.

У меня в груди заныло. Поднялась злая тоска, знакомая ещё по Земле, когда видишь, как сильный бьёт слабого просто потому, что может, а весь двор срочно смотрит в другую

сторону.

Только здесь двором была планета, сильный звался Тесакком, а слабый добывал руду, потому что без шахты у него из выбора оставалась только смерть.

— Скольких увели? — спросил я, догадавшись, что убийством детей дело не закончилось.

— Семнадцать. Пятерых мужчин, восемь женщин, четырёх подростков. Сказали, что вернут, если мы за три дня соберём новую долю, старый долг и штраф за непочтительность. Если не соберём, отправят их нам по частям.

За стеной шумел лагерь. Гудели генераторы, лязгали крепления, переговаривались техники, проходили по тренировочному маршруту тяжёлые служебные платформы. Я слышал всё это краем уха, но рабочий шум вдруг ушёл куда-то в сторону. В кабинете словно остались только Патэль, его впалое лицо, мои испорченные пылью сапоги и стремительно утекающее время.

— В отделение Колониальной Администрации ходили? — спросил я.

Патэль опустил взгляд.

Вот теперь началось интересное.

— Ходили...

— И?

— Там приняли прошение. Поставили отметку. Сказали ждать решения по линии безопасности.

Я повернул голову к Этони. Тот не стал изображать удив-

ление или оправдываться. Я мог бы его зауважать за такое, если бы прямо сейчас не хотел встать и двинуть кому-нибудь по зубам планшетом, зажатым в руках у лейтенанта.

— Решение пришло? — спросил я у Патэля.

— Да... Почти сразу. Нам рекомендовали усилить внутреннюю охрану, сократить внешние перемещения и, по возможности, избегать провокаций против незаконных вооружённых групп.

Я медленно вдохнул.

— Избегать провокаций? — повторил я. — То есть двоих детей убили при всех, людей увели, а вам посоветовали их не провоцировать?

— Да, губернатор.

— А ко мне почему сразу не пришли?

Патэль поднял голову. Взгляд у него был мутный от недосыпа и дороги, но в глубине этой мутности мелькнуло нечто очень неприятное. Не ненависть, даже. Хуже.

Привычка.

— Вы только недавно прибыли. Мы не знали, можно ли...

Он замялся, и я прекрасно понял, какое слово он проглотил.

Можно ли считать меня настоящим губернатором, а не марионеткой. Гопа, а не полноправного лубасири, занимавшего эту должность до меня. Да ещё и искусственника.

Я усмехнулся, хотя веселья во мне было меньше, чем чистой воды в его шахтёрском бараке.

— Нормально. Договаривай. Не знали, можно ли считать меня губернатором, потому что до меня тут уже двенадцать раз привозили красивого лубасири с печатью, а потом его выносили ногами вперёд или увозили под конвоем?

Этони чуть заметно поморщился. Патэль застыл.

— Не бойся, я тоже смотрел личные дела предыдущих губернаторов, — сказал я. — Прекрасное чтение перед сном. Особенно если сон не нужен.

Я откинулся на спинку стула и на секунду прикрыл глаза. Всё складывалось.

Меня год обучали в АИКА. Вдалбливали протоколы, законы, управление колониальными территориями, структуру поставок, кризисные режимы, методы переговоров с местными элитами, безопасность, налоги, производство, снабжение, аварийные полномочия и ещё сотню способов сделать вид, будто Империя умеет держать свои фронтиры под контролем. Потом мне дали персональный курс губернатора Колониальной Администрации, и я, дурак радостный, решил, что блестяще сдал экзамены и вытянул счастливый билет.

Ага. Счастливый.

Пачук-9 был не билетом, а гранатой без чеки, которую торжественно выдали мне под расписку «удержать или подохнуть».

— Что вы можете дать за помощь? — спросил я.

Патэль сразу ожил, и это было мерзко, потому что он ждал именно этого вопроса. Он знал, как разговаривать с властью.

Знал, где вход, где выход, куда класть плату и в какой момент снова падать на колени.

— Руду. Людей. Рабочие руки. Мы можем два года отдавать вам долю больше прежней, можем строить, копать, носить, чинить. Всё, что скажете. Только вытащите наших.

— Стоп.

Он замолчал.

— Ещё раз, — сказал я тише. — Ты пришёл ко мне просить защиты от банды, которая берёт с вас долю, и предлагаешь мне самому стать бандой, только в форме ИКА и с губернаторским мандатом?

Патэль побледнел. На лубасири это выглядело странно — синеватая кожа уходила в серый цвет, словно из человека вымывали остатки крови.

— Нет, губернатор, я не это...

— Именно это.

Он снова начал опускаться. Я увидел, как у него подогнулись колени, как ладони пошли вниз, к полу, как всё тело само вспомнило правильную позу перед тем, у кого есть сила. И тут меня коротко и зло передёрнуло.

Я резко подался вперёд, и Патэль замер, решив, что сейчас получит удар. Но вместо удара я шагнул к нему, поймал за плечи и рывком поставил прямо.

Глава 2. Прорвёмся... наверное...

— Не ползай.

Он моргнул.

— Губернатор?..

— Слышишь, что говорю? Не ползай. Ни передо мной, ни перед Этони, ни перед моими дроидами — ни перед кем. Если твоя община встаёт под мою руку, вы платите мне налог с добычи. Работаете на совесть, подчиняетесь моим приказам, соблюдаете дисциплину, а остальное оставляете себе. Я предложу вам губернаторский контракт и выкуплю всё по честной цене за дукаты. Ясно? Но я не продаю защиту за лбы, разбитые о пол.

Он смотрел на меня так, будто я говорил на незнакомом ему языке. Хотя так оно для него и было, пожалуй — на Пачук-9 нормальная власть, исповедующая закон и порядок, а не бандитскую вседозволенность, давно стала чем-то далёким и почти нереальным.

— За дукаты... Вы поможете нам? — осторожно спросил он, словно до сих пор не мог поверить моим словам.

— Я отобью ваших людей у Тесака, если они ещё живы. Потом выведу вашу общину из-под его руки. После этого вы будете работать на моей территории и по моим правилам. Но помогу я вам не по доброте, а только потому, что мёртвые шахтёры не добывают руду, голодные ломаются быстрее,

чем их инструмент, а губернатор, который не может защитить тех, кто признал его власть, сам должен как можно быстрее лечь в цинковый ящик и экономить всем время и ресурсы.

Патэль задышал часто и с хрипом, будто только что пробежал длинную, вымотавшую его дистанцию. Я отпустил его плечи и почувствовал, что пальцы слегка дрожат. Новое тело было крепким, свежим, собранным по технологиям, о которых на Земле даже врать в рекламе было бы неприлично, но психоматрица внутри оставалась моя. Земная. И она очень плохо переносила людей, которые так откровенно пресмыкаются и показательно раболепствуют.

— Унц, — произнёс я, не оборачиваясь, — ты всё записал?

За моей спиной раздался ответ моего дроида-секретаря.

— Разумеется, губернатор, — прозвучал его ровный синтетический голос. — Записал ваше устное обязательство оказать вооружённую помощь шахтёрской общине, принять её под административную защиту и изменить схему подчинения указанной группы населения. Также отмечаю, что вы существенно увеличили нагрузку на систему управления, силовые ресурсы, снабжение и критично повысили вероятность собственной преждевременной смерти.

Патэль вздрогнул, только сейчас заметив дроида у левой стены.

Сервант-17Уни стоял там с неподвижностью, которую жи-

вой человек не может удерживать даже в течение всего пары минут. Машина на это способна, и единственное, что может ей помешать, это закончившееся терпение у окружающих.

Ростом сервант был немного ниже меня, его манипуляторы неподвижно замерли вдоль боков широкоплечего, лишённого излишеств корпуса, а сенсорный блок был направлен на нас. При первом знакомстве Унц представился как универсальный личный ординарец, после чего я честно попытался повторить это словосочетание вслух, понял, что на третьем слове начинаю ненавидеть язык, Империю и собственную должность, а потом сократил его до Унца.

Унц принял новое имя без возражений, чем сразу доказал, что интеллект у него имеется, потому что спорить с человеком, которому только что выдали расстрельную должность — это не логика, а откровенное самовредительство.

— Спасибо, родной, — хмыкнул я. — Без тебя я бы ни за что не догадался, что спасательная операция увеличивает риск моей смерти.

— Моя функция состоит в том, чтобы формулировать очевидное до того, как оно убьёт моего владельца.

— Вот за это нормальные люди дроидов и не любят.

— Нормальные люди, губернатор, статистически часто погибают именно из-за нелюбви к точным формулировкам.

Патэль переводил взгляд с меня на Унца и обратно. В его представлении власть, кажется, окончательно поехала головой, потому что губернатор вместо того, чтобы отдавать при-

казы своему личному дроиду, спорил с ним как с вредным соседом по коммуналке.

И правильно. Власть здесь теперь я, хотя бы на какое-то время. Так что пусть привыкает.

— Этони? — позвал я.

Офицер оттолкнулся плечом от стены и подошёл ближе. Его движения выглядели привычно экономными, как у человека, заслужившего звание отнюдь не в тылу. Он весь был какой-то сухой, собранный, с лицом, на котором служба Империи давно выжгла желание удивляться чему угодно. На Пачук-9 такие люди, как он, либо становились самыми полезными, либо быстро превращались в ещё одну строчку в таблице отчёта о потерях. Тут уж кому как везло.

— Ваше превосходительство? — довольно едко отозвался он.

— Что скажешь? — не обратил я внимания на его выпад.

Он посмотрел на Патэля, потом на меня, потом на Унца. Причём на последнего так, словно проверял, не начнёт ли машина снова вслух портить всем настроение.

— Если коротко, решение опасное.

— А если не коротко, а обстоятельно?

— Тогда ещё хуже. Мы не знаем численность банды Тесак, их вооружение, лагерь, маршруты отхода, связи с другими группами и покупателями руды. Не знаем, живы ли пленники, не является ли просьба приманкой — хотя по виду просителя я лично оценил бы такую вероятность как невысо-

кую. У нас недостаточно сил, мало времени и слишком много других задач. А если мы начнём отвечать на каждую такую просьбу, завтра у ворот будут стоять в очереди ещё десять общин, которые нам же и придётся защищать.

— И все будут смотреть, не сдулся ли новый губернатор, — усмехнулся я. — Вот только есть проблема. Защищать их и есть наша задача.

Этони кивнул.

— Именно. Не спорю, но вы должны понимать, что если поможете одним, придётся либо так же отнестись и ко всем. Либо же объяснить, почему их очередь наступит позже, хотя это уже очень плохой вариант — задержка может быть расценена как отказ, и слух об этом разойдётся ещё быстрее, чем слух о том, что вы готовы помогать здешним общинам оборванцев.

— То есть в любом случае может получиться плохо.

— В обычном смысле — да, — немного уклончиво подтвердил Этони.

— А в необычном?

Лейтенант помедлил, обдумывая ответ. Мне понравилось, что он не полез сразу в готовую формулу. Хороший служака просто обязан думать, прежде чем сказать фразу, за которую потом придётся отвечать головой и, возможно, не только своей, но и всем составом вверенного подразделения.

— В необычном смысле это шанс, ваше превосходительство, — произнёс он, наконец. — Рискованный, кровавый,

возможно, плохо организованный. Но шанс заслужить определённую репутацию. Кроме того, если ударим быстро, внезапно и всем, что у нас имеется, то фактор внезапности будет на нашей стороне.

Патэль слушал нас так, будто от каждого слова зависело, разрешат ли ему вдохнуть.

— Или попадём в засаду или сколько-нибудь эшелонированную оборону и с треском самовыпилимся, — хмыкнул я. — Продолжай.

— Очевидно, что шахтёры добывают руду. Их община уже имеет трудовую структуру, старших, маршруты, склады, доступ к постоянному источнику воды, жильё, общую организацию и привычку подчиняться приказам. Если вы защитите их и переведёте под свой контроль, получите не просто спасённых людей, а верную вам лично производственную ячейку. Если ещё и продемонстрируете делом, что губернаторская защита реальна, остальные начнут считать вас обличённым властью своим, а не очередным поставленным сверху временным чиновником, которому плевать на жителей Пачук-9.

— А если я провалюсь?

— Тогда вас начнут считать тринадцатым временным губернатором.

Унц негромко щёлкнул вокабулятором.

— Уточнение — тринадцатым казнённым губернатором Пачук-9.

— Да понял я, радость моя железная, — не удержался я.

Прошёл обратно к столу, опёрся ладонями о край и посмотрел на схему лагеря. На ней всё выглядело почти прилично. Модули, периметр, склад, генераторы, тренировочная площадка, временная посадочная полоса, защитные линии и посты охраны. Маленькое пятно порядка на большой серой планете. Если смотреть только на схему, можно было на секунду даже поверить, будто я что-то здесь контролирую.

За пределами периметра все платили бандитам за право таскать руду, чиновники отвечали бумажками на убийство детей. А спрятавшийся внутри него новый губернатор по должностной инструкции должен был за два года поднять давно упавшие поставки до нормы, иначе его самого аккуратно уберут как бракованный инструмент. Только уберут не бандиты, а вполне себе законные силы.

В АИКА нам вдалбливали простую вещь. Колония существует, пока у неё есть руководство, производство, безопасность, энергия, транспорт, вода и продовольствие. Убери одно, и всё остальное начнёт гнить. На занятиях это звучало и выглядело логично — преподаватель водил указкой по экрану и говорил, что губернатор обязан видеть систему целиком, а не отдельные её проблемы, и решать их системно.

Тогда я ещё думал, что система — это умная штука из учебника, обеспечивающая понятные для всех правила. Теперь я видел эту систему в Патэле — она стояла у моего стола в пыльной куртке и не знала, куда деть руки.

— Прежние губернаторы пытались решить проблему Пачук-9 при помощи ресурсов, которых нет, — задумчиво сказал я, ни к кому конкретно не обращаясь. — Население — это ведь тоже ресурс. Если населения нет, если оно вымерло от голода или рук бандитов, то оно не может приносить пользу. Не может добывать руду, ремонтировать технику, работать на производстве. Удивительно, да? Просто чудо административной мысли. Наши граждане вымирают, а им сверху ставят план и удивляются, почему он не перевыполнен. Ведь в рамках целой планеты он ничтожен.

Этони молчал. Патэль, кажется, боялся даже дышать, не то, что шевелиться. Унц, зараза, наверняка записывал каждое слово для будущего разбора моих управленческих ошибок.

— Если мы хотим получить руду, еду, рабочие руки и хоть какую-то промышленность, сначала придётся сделать так, чтобы рабочие не ждали ночного визита от Тесака, — продолжил я, — и не умирали с голода. И это не гуманизм, а элементарная арифметика. Мёртвый шахтёр не платит налог. Угнанная бандитами женщина не выходит в смену. Подросток с перебитыми руками или простреленной головой не станет техником или фермером и не принесёт пользы. А община, которую губернатор бросил после просьбы, потом не поверит ни одному моему указу. А то и вовсе станет их саботировать.

— Арифметика верная, ваше превосходительство, — за-

метил Этони, но уже не так едко, как в начале беседы. — Но цена входа высока.

— У меня и должность с такой же ценой. А вход и выход стоят примерно... одинаково, Этони.

Я выпрямился и только тут понял, что плечи затекли от напряжения. Тело хотело драки, сна или хотя бы нормальной еды, а вынуждено было терпеть форму, пыльные сапоги и тяжёлые размышления, входящие в обязанности губернатора Пачук-9. Каждому своё счастье, мать его.

— Сколько у меня реально сил под рукой? — спросил я.

Унц ответил сразу, будто только и ждал, когда я перестану разговаривать о судьбах планеты и займусь вещами, которые можно посчитать.

— В лагере находится шестьсот четырнадцать исправных Сервант-17Уни. Из них шестьсот можно вывести в ограниченном охранном режиме без риска для базового обеспечения периметра. Боевой профиль штатно неполный — напоминаю, что служебная платформа Сервант-17Уни не является полноценным боевым дроидом. Это универсальная рабочая модель для агрессивной среды с повышенной автономностью, усиленным корпусом, ограниченным охранным режимом и возможностью установки картриджей специализации. Текущий набор картриджей не обеспечивает полноценного штурмового применения.

— А теперь, будь добр, переведи с машинного на губернаторский.

— Они могут идти, держать строй, прикрывать друг друга и выполнять простые боевые команды. Но они не заметят обученную пехоту. Серванты не способны самостоятельно принимать сложные тактические решения без команды оператора и в длительном бою будут расходовать энергоблоки быстрее расчётного значения.

— То есть у нас есть шестьсот четырнадцать железных дровосе... шахтёров с ружьями и дисциплиной, но без мозгов и умений. Так?

— Сравнение грубое, но применимое.

— Отлично. Для Пачук-9 это уже почти элита пехоты.

Этони негромко кашлянул. На смех это походило мало, конечно, у этого человека смех, наверное, проходил по ведомости и выдавался раз в квартал под роспись. Но уголок рта у него всё-таки дрогнул, выдавая истинную реакцию.

— Подготовь связь, питание, аптечки, фиксаторы для пленных, носилки для раненых и всё, что требуется для вывода шахтёров из бандитского лагеря, — сказал я. — И отдельно просчитай, сколько дроидов можно вести в ограниченном охранном режиме без посадки энергоблоков на обратном пути.

— Принято, — отозвался Унц. — Также рекомендую заранее подготовить временную зону приёма для освобождённых лиц. В ней организовать регистрацию, санитарную обработку, распределение пайков и первичный опрос.

Я хмыкнул.

— Вот видишь, Унц, можешь же и ты говорить полезное, когда не пытаешься похоронить меня под грузом статистики.

— Статистика похоронит вас без моей помощи, если её игнорировать.

Я снова посмотрел на схему лагеря. Маленькое пятно порядка. Шестьсот служебных дроидов с ограниченным охран-ным режимом. Один офицер из нищего, но упрямого Дома Бакто, который понимает цену риска и всё равно видит шанс. Один язвительный ординарец — любитель статистики, которого мне хотелось разобрать на запчасти примерно через каждые три его реплики. И один шахтёр, который приполз сюда на коленях и впервые за долгое время попробовал стоять прямо, удивляясь, что это вообще возможно.

А за границей этого пятна, за серой равниной сидел некий Тесак, уверенный, что Пачук-9 принадлежит тому, кто первым успел поставить сапог на шею другому разумному существу.

Но я был не отсюда, а с Земли. И далеко не из института благородных девиц.

Так что нормально. Просто придётся показать некоторым, чьи в лесу шишки.

Прорвёмся. Наверное...

— Этони, готовь своих бойцов и машины, — спокойно сказал я. — Унц, поднимай дроидов. Патэль, поешь, выпей воды и через час покажешь маршрут, куда увели твоих. Если они ещё живы, мы их вытащим.

— А если банда окажется сильнее, чем мы думаем, ваше превосходительство? — спросил Этони, и в его голос вернулась язвительность.

Я снова посмотрел на свои сапоги. Пыль на них уже не раздражала. Наоборот, теперь она была к месту как никогда.

— Тогда начнём мою карьеру губернатора с фатальной ошибки. Такой, после которой я либо начну приводить тут всё в порядок, либо в ближайшее время стану тринадцатой строчкой в списке казнённых губернаторов.

— Ясно...

— И, Этони...

— Да, ваше превосходительство?

— Мне нужен игольник...

— Зачем вам игольник, ваше превосходительство? — растерялся офицер.

— А затем, что мне выдали вместе с формой парадный палаш, — я похлопал по перевязи с ножнами, — но забыли выдать игольник.

— Вы же не хотите сказать... — лицо офицера вытянулось.

— Ещё как хочу. Я отправляюсь туда лично.

— Но...

— Это не обсуждается, — отрезал я. — Найдите мне игольник, или мне придётся рубить бандитов Тесака палашом.

Патэль шумно выдохнул. Этони коротко, по-военному

кивнул, принимая приказ. А Унц уже развернулся к двери, и сервоприводы в его корпусе щёлкнули так буднично, будто мы собирались не вытаскивать людей из рук банды, а переносить мебель между складами.

Я задержал взгляд на схеме лагеря ещё на секунду. Серая линия южного отвала, старая дорога, мёртвые промышленные линии, отметка шахтёрской общины, на которую до сегодняшнего дня никто в моём штабе не обращал внимания.

Затем поверх карты мигнула тонкая служебная строка интерфейса в моей дополненной реальности. В этот же момент нечто кольнуло меня где-то за правым глазом. Это не было больно или неприятно и походило на обыкновенный нервный тик. А по факту это были просто короткие служебные толчки вызова, какими нейросеть привлекает внимание владельца, когда считает, что он сейчас пропустит нечто важное.

Глава 3. Пуй

Иара Сет появилась в моей жизни почти сразу после высадки.

Капитан боевого монитора колониального контроля. Коммодор орбитального соединения имперского колониального флота в системе Пачук. Но, увы, не моя личная кнопка «нанести орбитальный удар». Да, она командовала своим монитором и шестью выпелами кораблей сопровождения. Среди сторожевиков числились фрегаты и корветы, а также приданная москитная авиация. Вообще, малоподвижный, тяжёлый, бронированный и обладающий колоссальной огневой мощью монитор — не самый престижный пост для флотского офицера, который мечтает о больших направлениях, боевых флотских операциях и нормальной войне. Зато для Пачук этот монитор был тяжёлым, железным напоминанием, что Империя никуда не ушла ни с поверхности, ни из космоса. Вот он, её карающий меч на орбите Пачук-9, а вот коммодор Иара Сет, которая спит и видит, как бы кому надрать зад и продвинуться по службе.

Да, Империя никуда не ушла и держит в системе флотское присутствие со времён войны с инсектами. Только вот далеко не ради заботы о постепенно впадающих в дикость местных жителях. Пачук-9 вместе со своими рудой, складами, старыми линиями, мёртвыми заводами, живыми гражда-

нами, полугражданами, гопами, шахтёрскими сменами, водяными узлами и всем тем, что ещё можно было выжать из планеты, починить, вывезти или списать в расход, был, есть и остаётся собственностью Империи. После инсектов и орбитальных бомбардировок планета чувствовала себя из рук вон плохо, но из имперских реестров она никуда не исчезла. А если собственность не списана, значит, кто-то должен стеречь орбиту, контролировать взлёты и посадки, поддерживать каналы связи, прикрывать какой-никакой грузовой трафик, гонять контрабандистов и пиратов, и, в конце концов, следить, чтобы местные проблемы не выросли до угрозы имперским поставкам. Имперская четверть должна поступать без помех и проводов, несмотря ни на что.

Всем этим, кроме самих поставок, и занималась Иара.

В первый раз я увидел её через защищённый канал связи. За её спиной была главная рубка боевого монитора. Огни служебных индикаторов в полумраке боевого мостика монитора, экран тактической обстановки, отметки орбитальных трасс, посадочных окон и зон наблюдения создавали сюрреалистическое впечатление. У бокового пульта стоял вахтенный офицер. Оператор связи тоже не сачковал. Навигатор выводил на общий экран поправку курса в верхних слоях атмосферы. За прозрачной перегородкой техник снял крышку с блока связи и что-то говорил дежурному по смене, не поворачиваясь к экрану.

Сама коммодор Иара Сет выглядела, как и положено ари-

стократке-лубасири.

Высокая, собранная, с синевато-серой кожей и изящной линией шеи. Платиново-блондинистые волосы убраны в тугую причёску, чтобы ни одна прядь не лезла к лицу во время смены. Узкое лицо, резкие скулы, тонкая линия рта. Глаза светлые до прозрачности. В других обстоятельствах я бы назвал её красивой. Но цепкий взгляд смазывал впечатление.

При первом сеансе связи она даже не поздравила меня с назначением и не спросила, как я перенёс высадку. Не почувствовала тяжёлой судьбе нового подневольного губернатора. Просто посмотрела на меня как на аварийный груз и спросила о составе группы, зоне посадки, состоянии челнока, списке сопровождающих, защищённом канале связи и о том, кто на поверхности уже успел потребовать доступ к губернаторскому модулю.

Я тогда попытался съязвить про тёплый приём, но на Иару это не произвело ровным счётом никакого впечатления. Она подождала, пока я закончу, и сказала:

— Тёплый приём начинается после проверки посадочной зоны и состояния вверенной техники, губернатор Лисов. До проверки он называется халатностью.

И я понял две вещи. Первая — Иара Сет никогда не станет моим закадычным другом. Хотя удар с орбиты по моей просьбе нанесёт — правда, только если увидит для него законное основание.

И второе — я ей не командовал. Иара была не просто жен-

щиной в идеально сидящей форме и с капитанскими знаками различия. Она была флотским офицером с правом послать гражданского губернатора так далеко и надолго, что замучаешься астрографические карты смотреть и вычислять расстояние до этого места в парсеках.

Это на поверхности планеты мой мандат давал мне право отдавать приказы и налагал ответственность. А на орбите была совсем другая служба и другая линия подчинения. Даже для Этони Бакто, лейтенанта колониальной космической пехоты, юридически находившегося под моим командованием, Иара была не голосом с экрана, а старшим флотским командиром, чьё слово — закон.

Имперская Колониальная Администрация красиво выглядела только в учебных материалах АИКА. В учебных блоках всё смотрелось как строгая, разумная служба, которая занимается вопросами многочисленных колоний: снабжением, контрактами, налогами, безопасностью поставок и самими поставками. В реальности центральная Имперская Колониальная Администрация была далеко. Очень далеко. Далеко настолько, что её решения доходили до Пачук-9 исключительно в виде новых мандатов, требований и казней за провал.

А рядом была не центральная ИКА, а Гармония.

Местная канцелярия. Городские зажавшиеся чиновники: Совет, главы кланов, местные Благородные Дома. В общем, все те, кто привык улыбаться губернатору в лицо, за его

спиной обделывая свои делишки. На бумаге я был их непосредственным руководителем. Проще говоря, самым главным чиновником. В реальности любой губернатор, который садился в Гармонии, быстро становился частью её системы. Ему приносили отчёты, прошения, жалобы, согласования, осторожные советы и готовые решения, которые он должен был выдать за свои. А потом, спустя время, в личном деле у такого губернатора обязательно появлялась короткая строка.

Казнён.

И так уже было двенадцать раз подряд.

Поэтому я не остался в Гармонии, а затребовал всё полагающееся при освоении новых планет и, когда всё пришло, вынес аварийную администрацию в отдельный лагерь, за городскую черту, чтобы строить параллельную структуру власти и подчинения, а весь штат кабинетных чиновников мне заменил Унц.

Именно поэтому стандартный вызов от Колониальной Администрации я уже научился ненавидеть заранее. Но в этот раз интерфейс выдал мне нечто совершенно новое.

Поверх карты на экране дополненной реальности всплыло ещё одно окно, и только после этого модуль вывел источник.

Экстренный вызов по защищённому аварийному каналу.

Абонент: ПУИИ-9-117-А.

Роль: ПЛАНЕТАРНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПАЧУК-9.

Цель: Запрос сеанса связи.

Я несколько секунд смотрел на сообщение и чувствовал, как внутри медленно, но неотвратно поднимается волна злости. Этот абонент мне был неизвестен, в инструкции к моей нейросети ничего не говорилось не только о нём, но и о защищённом аварийном канале. В кратком курсе ИКА о Пачук-9 — тоже. Этони о нём не упоминал, как и Унц, которому я собственноручно поставил расширение когнитивного ядра и сделал своим секретарём и ординарцем, так что он не стал бы от меня такое скрывать.

Неизвестность нервировала.

Итак... Вопрос на миллион. Откуда на раздолбаном в хлам орбитальными бомбардировками Пачук-9 может взяться такая дорогая штука как планетарный управляющий искинт? Вопрос очень достойный. Никто в своём уме не стал бы тратить такую бездну дукатов, только чтобы поставить искусственный интеллект, способный управлять промышленными секторами с континент размером, на планету, где даже приличного завода или шахты было не сыскать уже много сотен лет. Значит, чего-то я о Пачук-9 точно не знаю. Но мне простительно. Я здесь без году неделя. А что про это известно Имперской Колониальной Администрации и известно ли вообще — вот это вопрос!

Пока я думал, сообщение сменилось новым.

Аварийная проверка прав. Субъект доступа: Рэн Лисов.
Временный губернатор Имперской Колониальной Администрации.

Статус гражданских прав: ограниченный. Служебный мандат: действующий.

Фактические действия: шахтёрская производственная группа заявила добровольное обращение к субъекту доступа.

Проверка: приказ не исполнен. Защита не обеспечена. Производственный узел находится под внешним насильственным контролем. Линия снабжения уязвима. Водная зависимость сохраняется.

Заключение: право управления не подтверждено.

Условие повторной проверки: восстановить безопасность группы. Обеспечить исполнение приказа. Исключить внешний насильственный сбор ресурсов.

Окно погасло без моего на то согласия. Неприятное ощущение за правым глазом осталось ещё на пару секунд, потом тоже исчезло.

— Унц, — позвал я. — Ты видел это?

Дроид повернул ко мне свой сенсорный блок.

— Зафиксировано несанкционированное входящее сообщение через служебный губернаторский интерфейс. Источник не обозначен. В моей штатной документации данный канал связи отсутствует. Содержание недоступно.

— Прекрасно...

— Могу я уточнить, что именно прекрасно?

— То, что за моё психическое здоровье можно не опасаться, — съязвил я.

— Я бы в этом не был так уверен, — бесстрастно поправил меня Унц.

«ПУИИ-9-117-А», — повторил я про себя мысленно аббревиатуру.

Провёл языком по пересохшим губам и поймал себя на том, что внутри уже складывается короткое, тупое и до неприличия удобное имя.

Пуй.

У меня уже был Унц, теперь появился Пуй, и оба, судя по первым признакам, собирались портить мне жизнь своими стремящимися к механической точности формулировками. А заодно Пачук-9 начал проверять, настоящий ли я всё-таки губернатор или очередной расходник.

Через час Патэль перестал выглядеть, как покойник, которому забыли сообщить плохую новость о его смерти. Старому лубасири дали горячей воды, белковой каши из армейского пайка и десять минут тишины. Уже одно это для местного было практически невероятным. Сначала Патэль ел очень осторожно, двумя пальцами придерживая миску, словно ждал, что её отберут за лишний вдох. Потом чуть осмелел, и ложка заскребла по дну быстрее. Я отвернулся, чтобы не смотреть, как взрослый человек стыдится соб-

ственного голода. На Земле люди тоже умели голодать красиво только в кино. А в жизни это всегда выглядело одинаково — рука тянется к еде быстрее, чем достоинство успевает ей запретить.

Унц стоял рядом с откидным столом и проецировал над покрытием серую карту местности. Он собрал её из обрывков старых планов, лагерных сканов, данных Патэля и той лжи, которую местные архивариусы всё ещё хранили под видом актуального состояния дорог. Я смотрел на карту и понимал, что если бы за каждую ошибку пульей в лоб платили не только губернаторам, на Пачук-9 уже давно закончились бы картографы, чиновники и минимум половина инженеров.

— Южный отвал здесь? — спросил я, указав пальцем в проекцию.

Патэль проглотил последний комок каши, поставил миску на стол и вслед за мной потянулся к проекции так резко, что Унц сразу поднял один манипулятор, не давая ему ткнуть грязным пальцем прямо в световую сетку.

— Голосом, — сухо напомнил дроид. — Тактильное взаимодействие с проекцией не требуется.

— Да ладно тебе, — бросил я Унцу. — Он карту тронуть хотел, а не твою тонкую цифровую душу.

— У меня отсутствует душа, губернатор. Зато присутствует поверхность сенсорного проектора, загрязнение которой снижает точность считывания жестов на ноль целых семь десятых процента.

— От того, что кто-то ткнёт пальцем не в проектор, а в проекцию? Даже и не знаю, как это может повлиять. Но в целом согласен, проектор — потеря ужасная, империя её не переживёт.

Патэль на секунду будто завис — он впервые в жизни увидел, как дорогое начальство спорит с мебелью. И подумаешь, мебель была вооружённой, упрямой и, по моим ощущениям, считала меня главным источником будущей катастрофы на Пачук-9. Всё равно же мебель — именно так в империи Лубасири относились к дроидам.

— Южный отвал здесь, — осторожно произнёс он и, убрав руки аж за спину, указал подбородком на серую зону к югу от нашего лагеря. — От старой дороги туда около двенадцати километров, если идти по прямой. По караванному маршруту больше, почти восемнадцать, потому что приходится обходить провал у мёртвого водосборного канала.

Унц тут же подсветил участок тонкой жёлтой линией. Проекция дрогнула, достроила овраг, обрыв старого полотна и несколько пятен, где датчики выдавали мешанину шума вместо поверхности. Какая приятная местность. Прямо курорт для тех, кто давно мечтал умереть под ржавой фермой, не отходя далеко от цивилизации.

— Почему не через ущелье? — спросил Этони. — Я бы послал группу в тыл по этому маршруту.

Он стоял с другой стороны стола, чуть сбоку от меня, так, чтобы видеть и карту, и Патэля, и дверь. Хорошая привычка.

ка всё контролировать. У офицера из благородного, но обедневшего Дома Бакто, кроме фамильной гордости, выправки и служебного опыта, судя по всему, оставалось немного. Зато имеющимся он пользовался на полную катушку. Да и выглядел так, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что перед ними — самый что ни на есть настоящий офицер. Форма Этони была вычищена слишком тщательно для нашей пыльной дыры, ворот полевого мундира застегнут по уставу, планшет лежал в руках уверенно, а лицо сохраняло такое выражение, будто лейтенант был уверен, что мир давно сошёл с ума, но мужественно не показывал окружающим, что обо всём уже догадался.

— Там есть мост, но настил старый, — пояснил Патэль.
— Местами держится, а местами проваливается даже под незначительной нагрузкой. Сервантов можно провести, если знать, куда можно вставать, а куда нет. Но ночью лучше не ходить вообще, и Тесак выставляет там дозор, даже когда не ждёт караван.

— Он ждёт караваны постоянно? — уточнил я.

Патэль кивнул.

— Постоянно. Он раньше брал просто плату. Потом стал брать больше. Потом начал выбирать, кого пропустить, а кого нет. Мог сверху взять что-то из снаряжения, например, фильтры, если они хорошие. У кого вода была, брал воду. Женщин или детей посильнее тоже мог себе оставить.

Он сказал это совсем без эмоций. Просто перечислил

местный порядок вещей, как человек на Земле перечислил бы коммунальные тарифы, цену бензина и размер пробок по пути на работу. Меня от этого спокойствия внутренне пере­дёрнуло. К жестокости можно было привыкнуть, к угрозе то­же. Я же почти свыкся с мыслью, что если не подниму этот ушатанный мир — меня казнят, хотя ушатал его совсем не я.

Однако к порядку, построенному на терминальной жесто­кости, привыкать нельзя никогда. Иначе в какой-то момент привыкнешь и тому, что жертва сама виновата в том, что её ограбили, убили или изнасиловали. И должна ещё написать объяснительную и попросить прощения у агрессора.

— Где логово самого Тесака? — спросил я.

Патэль провёл взглядом по карте, на секунду задержался на южной стороне старых выработок и ткнул подбородком.

— Здесь. Там древняя открытая посадочная площадка, два навеса, старый кран и керамобетонная стена, за которой раньше был склад. Сейчас там Тесак обустроил себе жилище и держит людей, хочет, чтобы все видели его пленников.

Этони выдохнул, незаметно сжал кулак и пояснил.

— Демонстрирует свою власть...

— Конечно, — кивнул я. — Простое похищение людей — это бандитизм. А если заставить родных платить за похи­щенных, да ещё и на регулярной основе, то это уже заход в местное самоуправление, мать его.

Патэль опустил голову. Я успел увидеть, как у него дёрну­лась щека, и прикусил язык, чтобы не добавить ещё чего-ни-

будь умного. Сарказм хорошо помогает тому, кому предстоит разгрести авгиевы конюшни. Тому, у которого забрали всё, он только вредит. Мудро...

— Сколько у Тесака боевиков? — спросил Этони.

— Постоянно при нём двадцать пять или тридцать головорезов, — ответил Патэль. — Иногда больше. Они живут здесь, в старом ремонтном ангаре. Есть приходящие, их всегда разное количество. Ещё он платит нескольким стрелкам с северной дороги, когда ждёт сильный караван.

— Оружие?

— Автоматы старые. Два ручных пулемёта, один точно рабочий, второй заедает. Несколько охотничьих ружей. Гранат я не видел, но слышал, что есть. У самого Тесака тяжёлый тесак из резака для шахтных тросов. Он им не для боя пользуется, а...

— Для показательных казней, — догадался я.

Патэль промолчал.

Я потер переносицу. Новое тело послушно сняло лишнее напряжение с мышц лица, но внутри всё равно зудело, словно под кожу насыпали муравьёв. Картина становилась яснее и от этого лучше не делалась. Маленькая банда, хорошостроенная в местную экономику насилия. Дорога. Руда. Вода. Караваны. Пленные на виду. Общины, которые привыкли торговаться с ножом у горла, потому что альтернативы не видели. И где-то над всем этим висела моя виртуальная губернаторская криптопечать, полезная примерно как золотая

пуговица покойнику.

— Унц, варианты, — сказал я.

— Вариант первый, — сразу ответил дроид. — Прямое выдвижение основным строем по караванной тропе с демонстрацией силы. Преимущество: психологическое воздействие на противника и шахтёрскую общину. Недостаток: Тесак получает время убить заложников, отступить или подготовить засаду.

— Мимо. Второй.

— Ночное скрытное выдвижение малой группы с попыткой освободить пленников до начала основного столкновения. Преимущество: шанс сохранить жизни заложников. Недостаток: у нас нет обученной разведывательной группы достаточного качества. Сервант-17Уни в текущей конфигурации подходит для охранных задач, но не для скрытного проникновения и диверсий.

— Третий.

— Комбинированный. Основной отряд выходит открыто по караванной тропе после рассвета и отвлекает на себя внимание противника. Малая группа с проводником проходит через ущелье у пересохшего водосборного канала, занимает позицию у бетонной стены и блокирует доступ к пленным. После начала переговоров или демонстрации силы малая группа действует по обстановке.

Я посмотрел на Этони.

— Третий вариант звучит как план, в котором можно кра-

сиво погибнуть сразу в двух местах, — невесело усмехнулся тот.

— Зато у него есть шанс сработать, — ответил я, — если Патэль проведёт малую группу через ущелье и дозор Тесака их не заметит. А это возможно, потому что Тесак ведёт себя как хозяин, а не как полевой командир. Слишком привык к отсутствию сопротивления.

Унц слегка повернул голову, сенсорный блок сфокусировался на мне.

— Дополнение. Вероятность успешного выполнения комбинированного плана возрастает при использовании дроидов как отвлекающей силы. Сервант-17Уни демонстрирует высокую устойчивость к психологическому давлению, угрозам, крикам и бессмысленным речам противника.

— Ты сейчас себя похвалил или нас оскорбил? — я поднял взгляд на серванта.

— Сформулировал преимущество машинного состава перед живым, — без зазрения совести (откуда бы ей взяться?) перефразировал на свой статистически-нудный лад Унц.

— То есть оскорбил, — поддавил я.

— Выразил вежливо известный факт.

Я хмыкнул и снова наклонился над картой. Комбинированный план был, конечно, далёк от идеала. Но! Прямой марш давал картину видимой губернаторской силы и при этом практически гарантировал, что Тесак успеет зарезать кого-нибудь для убедительности своих слов. А тайная опе-

рация уже на стадии планирования являлась мечтой штабного идиота, который видел сервантов только на схеме и не понимал, что полутораметровая служебная машина с сервоприводами не становится тенью только потому, что ей приказали идти тихо.

Значит, комбинированный вариант оставался лучшим из имеющихся. Помесь наглости, расчёта и надежды на то, что местный бандит привык иметь дело с запуганными шахтёрами, а не со злым пасынком старой доброй Земли, которого смертью не испугать, потому что она ему уже светит, только в виде отсроченного официально вынесенного приговора.

Надо заметить, отличная мотивация! Очень бодрит!

— Патэль, кто, кроме тебя, знает проход через ущелье?

— Многие. Но не все смогут пройти там быстро. Там надо помнить, какие плиты надёжные, а какие нет. Я помню...

— Нет! – резко оборвал его я.

Он вскинул голову.

— Губернатор, я должен...

— Ты должен довести нас до места. И гарантированно не сдохнуть по дороге, потому что потом твоей общине понадобится тот, кому поверят — ведь именно он смог убедить губернатора спасти людей. А значит что? Ты мне живым полезней. Так что через ущелье со мной пойдёт тот, кто сможет не только показать дорогу и не рухнуть от усталости, но и тот, кто менее важен для дальнейшей жизни общины в случае успеха операции.

Патэль открыл рот, но я ткнул пальцем в карту и не дал ему начать героическую песню.

— У тебя руки дрожат после еды и часа отдыха. Ты двое суток шёл сюда, почти не спал, почти не пил и сейчас держишься на одной только злости. Если бы не это, то я, может, и подумал бы о том, чтобы взять тебя. Но по совокупности факторов — нет. Ты будешь мне нужен гарантированно живым, желательно здоровым и, по возможности, бодрым.

Он сжал зубы, и на секунду в нём неожиданно прорезался не бесправный проситель, а нормальный мужик, которого только что отодвинули от дел его семьи. Вот этот Патэль мне понравился больше. С таким можно было и сработаться.

Потому как он и не подумал сдаваться.

— Там моя сестра, — немного помолчав, произнёс он.

Но я был неумолим.

— Ещё одна причина, по которой ты остаёшься. Нельзя в таких делах спасти кого-то конкретного — не спасёшь. А заодно и других угробишь. Поэтому давай-ка имена. Кто ещё может провести нас через провал?

Патэль сглотнул. Внутри у него яростно сражались желание пойти самому и понимание, что я прав. Неплохо. Значит, он не глуп и понимает, о чём я ему говорю. Ещё одна причина его беречь.

— Рима, — наконец, произнёс он. — Дочь старшего проходчика. Она малая совсем, но ходит по пустошам уже лучше многих взрослых. Но она хромая.

— Сильно хромая?

— Быстро бежать не сможет, если понадобится. Зато в ущелье и окрестностях знает каждый камень.

Я посмотрел на Этони.